САША ФИЛИПЕНКО

ТРАВЛЯ

ЛАУРЕАТ
«РУССКОЙ ПРЕМИИ»
2014

ВРЕМЯ

Самое время!

Саша Филипенко

Травля (сборник)

«WebKniga»

2016

УДК 821.161.1-3
ББК 84Р7-4

Филипенко С.

Травля (сборник) / С. Филипенко — «WebKniga», 2016 — (Самое время!)

ISBN 978-5-9691-1483-8

Саша Филипенко, как всегда (читай «Бывший сын» и «Замыслы»), актуален, наблюдателен, остроумен и – лаконичен. Ему снова удалось упаковать в небольшую книжку полноформатный остросюжетный роман. Конечно, налицо навык телевизионного сценариста Первого канала и «Дождя», но чувствуется и другое: герои Саши Филипенко – его ровесники и современники. Музыканты, футболисты, журналисты, политтехнологи… Им не повезло с эпохой. Они остро ощущают убегающую молодость, может быть, поэтому их диалоги так отрывочны и закодированы, а их любовь не предполагает продолжения. «Травля» – это история о том, что цинизм и ирония – вовсе не универсальная броня. И что попытка проскользнуть между совестью и подлостью может закончиться СМС на экране телефона: «On vybrosil rebenka iz okna (((…».

УДК 821.161.1-3
ББК 84Р7-4

ISBN 978-5-9691-1483-8

© Филипенко С., 2016
© WebKniga, 2016

Содержание

Травля 6
Вступление 6
Экспозиция 8
Главная партия 8
Конец ознакомительного фрагмента. 16

Саша Филипенко
Травля (сборник)

© Саша Филипенко, 2016
© Валерий Калныньш, оформление и иллюстрация обложки, 2016
© «Время», 2016

Травля
роман

Соната (итал. sonare – звучать) – жанр инструментальной музыки, а также музыкальная форма, называемая сонатной формой. Сочиняется для камерного состава инструментов и фортепиано.

Вступление

После обеда в саду устраивают викторину. Репетиторы ставят Россию, девятнадцатый-двадцатый век. Под аккомпанемент цикад звучат Мусоргский, Чайковский и Кюи. Всего одну ошибку допускает Лиза. «Остров мертвых» спутан с «Симфоническими танцами». «Рахманинов бы простил», – шутит вывезенный на лето педагог Гнесинки. Серебро достается Павлу. Он не узнает «Хор бояр» и «Любовь к трем апельсинам». Старший и младший, Александр и Анатолий, сдают пустые листы. Саша только что вернулся с тренировки, Толя не может оторваться от компьютерной игры.

Ужинать садятся на исходе седьмого. Из колонок фонят «Подмосковные вечера». Выписанный повар подает морские фрукты. Павел хвастает, что, съездив в Антиб, выторговал у месье Гийома три бутылки по шесть тысяч каждая. Александр молчит. Толя играет. Мама замечает, что торговаться – низко, ибо французы – эти шарманщики со швабрами сами знаете где – могут болтать, будто все русские – торгаши.

Отужинав, садятся к телевизору. Большой плоский экран стоит здесь же, в саду. Провода переплетаются с зеленым шлангом. Над экраном кружит пчела.

Отца слушают молча, как никогда внимательно. Папенька прогнозирует неминуемый крах общества потребления, рассказывает о неэффективности демократии и настаивает на необходимости изменить мир на основе православных принципов. Отвечая на вопрос журналистки (чрезвычайно красивой и фатально глупой проходной любовницы знакомого министра), папа заявляет, что санкций не боится, никакой недвижимости за границей у него нет, а единственное его богатство – Русь. Дети смеются. Мама становится хмурой.

Следующий день решают провести в море. Волны синие, выцветающие к горизонту. То тут, то там, словно выдавливая пасту из тюбика, оставляют длинные белые ленты яхты. Лежа на корме, Лиза и Павел обсуждают заходящие в аэропорт Ниццы самолеты. Элизабет подсчитывает джеты, Поль берет на себя «нищебродов», калькулируя «аэробусы» и «боинги».

– Знаешь, почему папа римский крестится всякий раз, когда выходит из самолета?

– Ну и почему?

– Потому что, если бы ты летала «Алиталией», ты бы тоже крестилась!

Мама и Александр отдыхают на вертолетной площадке. Маленький Анатолий сражается с компьютерными монстрами. Перерезая желтую букву «Н», стоят три лежака. Мама в шляпе, полям которой позавидовал бы сам Сатурн, Александр в велосипедной кепке с задранным козырьком.

На соседней яхте старательно загорает депутат-неонацист. Его развлекает известный писатель. По яхте бегают дети литератора и их гувернантки. Писатель старательно просит денег. Депутат, в общем-то, и не против, но получает некоторое удовольствие от лингвистического топтания автора. Море хорошо разносит звук.

– Господи, если он сейчас ему не отстегнет, – я сама ему заплачу!
– Ты читала, что сегодня пишут про нас?
– Читала…

Александр имеет в виду текст, который появился в сети всего несколько часов назад. После чересчур патриотичного выступления отца в блоге известного журналиста опубликована статья, в которой, в частности, приведена информация о некоторых (пускай и незначительных) счетах и прибрежных домах. Кроме всего прочего, в публикации указаны актуальные места обучения Лизы, Павла и Анатолия. Два парижских лицея и школа озвучены верно. О том, что Александр играет в низшем футбольном дивизионе Франции, автор почему-то не пишет.

– Думаешь, отец поплатится за свои слова?
– Скорее за них ответит тот, кто все это написал.

Экспозиция

Главная партия

Главная партия – важная составляющая экспозиции. Она – основа будущего конфликта и развития. И пока Славины загорают на палубе, мелодия переносит нас в будущее, где мы впервые слышим мотив травли.

Яма вырыта. Экскаватор опускает сваю. Словно молоко в чашу, в свежевырытую могилу заливается туман. Вокруг – тишина. Ни домов, ни линий электропередачи. Лаконичная бесконечность: темный лес да серые облака.

Условия следующие: в каждом подходе будет не больше двух собак. Медведя пристегнут к столбу за заднюю лапу. Когти обрезать не станут, клыки тоже. Свора выиграет, когда косолапый окажется на спине или, что естественно, сдохнет.

– Давайте хотя бы ослепим его! При таких поблажках он нам всех собак перебьет!

– Нет!

Шеф против. Правила есть правила. В наших руках термосы, в запотевших джипах собаки. Пора начинать.

Запускают первую пару. Их хозяин скалится, потирает руки, думает, что медведю хана. Кретин. Он даже не подозревает, на что способен загнанный в угол зверь. Хотя мог бы и знать, ведь приглашенный гость – следователь по особо важным делам. Вероятно, про допросы ему известно больше.

Обрывается тишина. Собаки лают, бросаются на медведя и тотчас отступают. Выгибают спины и огрызаются. Дыбом стоит шерсть. У нас пузырьки по коже. Мы видели это не раз, но в первые минуты всегда так. Потрясающе страшно. Глухо рычит прикованный зверь. Он поднимается на задние лапы, но не может атаковать. Все, что ему сегодня позволено, – до последнего умирать. Шеф улыбается.

Включается мясорубка. Продолжается бой. Визжит первая переломанная надвое сука. Бурлит кровь, вываливаются кишки. Кишки розовые, гораздо светлее, чем кровь. Мы улыбаемся, потому что мишка хороший. Нам нравится этот зверь – жаль только, что он погибнет так скоро. Перед мастифами мы даже просим отпустить его, но шеф не разрешает…

Косолапого закапывают в полдень. Таксидермистам здесь делать нечего. Мишка порван вдоль и поперек. Как-то жалко его даже… хороший был зверь, боевой…

Мы возвращаемся в машины, включаем радио. Лев Лещенко поет:

На трибунах становится тише,
Тает быстрое время чудес,
До свиданья, наш ласковый Миша,
Возвращайся в свой сказочный лес.
Не грусти, улыбнись на прощание,
Вспоминай эти дни, вспоминай,
Пожелай исполненья желаний,
Новой встречи нам всем пожелай.

пауза

В этом отрывке мы знакомимся с Марком Смысловым, известным виолончелистом, который и исполнит для нас это произведение.

Железнодорожный вокзал столицы моды. Трехсотпятидесятиметровый стальной купол. Символ мощи режима Муссолини, со временем модулировавший в родственную красоте тональность. Мы бежим по платформе. Поезд вот-вот тронется. Я с виолончелью и книгой, Федор с чемоданом и пятилитровой бутылкой вина, которую здесь называют bambino. Одному богу известно, зачем она ему такая нужна.

Друг едва поспевает за мной – еще в консерватории Федя получил прозвище Центнер. В конце концов, Федя врезается в меня. Бутылка падает на платформу. По земле разливается красное вино.

– Марк, я больше не могу! Я сейчас сдохну! Прошу тебя – дай паузу!
– Я-то дам – поезд вряд ли…

Милан – Лугано. Всего час в пути. Выборочный паспортный контроль, кусочек Комо в окне. Возможность проверить собственный вестибулярный аппарат, когда на территории Швейцарии вагоны начинает покачивать.

Центнер что-то болтает, я молчу. Друг пытается разговорить меня, но это бесполезно. Говорить не хочется. Я вдруг вспоминаю рассказ брата и передаю Феде айпад. Пять открытых «окон», столько же разгромных статей. Я вспоминаю свое предыдущее выступление здесь, в Лугано. Тогда меня назвали главным разочарованием 2015 года. Местные критики посчитали, что я слишком переоценен. Сочувствовали Баху. Во всех рецензиях утверждалось, что соната была сыграна чересчур медленно, многозначительно и совершенно растерянно. Все так, только вряд ли критики подозревали, что произошло в тот день.

пауза

Несколько тактов, которые возвращают нас на Лазурный Берег.

Загорая на палубе, Александр думает о Себастьяне, юном работнике музея Марка Шагала в Ницце. Саша чувствует, что влюблен. На прошедшей неделе, желая открыться и удивить возлюбленного, Александр наконец пригласил Себастьяна в семейное имение близ Жуан-ле-Пена. Взяв молодого человека за руку, Саша показал своей мечте картину Шагала. Естественно, оригинал.

– Откуда она у вас?!
– Папа притащил.
– Твой отец коллекционер?
– Не совсем – он одноклассник известного политика.
– Это профессия?
– В России – да.
– И он может позволить себе такие покупки?
– Официально картина записана на маму.

– А она кто?

Александр понимает, что правда о его семье вряд ли добавит бонусных очков, но желание быть откровенным с парнем, который посещает все его матчи, перечеркивает прочие «нет».

– Представь себе реликтовый лес. В лесу с советских времен стоит дом престарелых. Земля дорогая, но стариков просто так не выкинуть. Можно, конечно, имитировать пожар, но… В общем, есть человек, он, кстати, живет в двух виллах от нас, который, послав своих верных оруженосцев, находит в доме престарелых чуму или птичий грипп. Учреждение, которое стояло полвека, после его постановления закрывают в срочном порядке. Инвалидов и стариков расселяют. Здание сносят. Якобы зараженный реликтовый лес вырубают. На месте снесенного дома вырывают огромный котлован. В него закапывают хренову тучу дерьма – в нашей стране вопрос переработки мусора до сих пор не решен. Землю выравнивают и на месте дома престарелых, поверх помойки, строят поселок элитного жилья – лес-то заповедный. Моя мама зарабатывает на всех этапах. Это один из многих источников ее дохода. Папа, как государственный служащий, зарабатывать на этом не имеет права. Теперь ты знаешь, откуда у нас Шагал.

Член коммунистической партии Ниццы, Себастьян не отвечает на звонки. Три дня. Разглядывая облака, Александр думает, что с правдой, вероятно, стоило повременить. Правда никогда никому не нужна. Правда – удел людей с совестью, которые не представляют, как с ней жить. От правды бывают лишь горести. Саша чувствует, что правда – всегда лишнее.

С закатом возвращаются домой. В саду вибрируют насекомые. Как пугало на ветру, позвякивает золотыми браслетами мать. Лиза продолжает проситься в Париж, Поль, стоя перед зеркалом, то поднимает, то опускает воротничок. Толя переходит на новый уровень, убивая «главного босса». Александр собирается в Ниццу, но объясниться с другом так и не успевает – звонит отец. Мать слушает супруга около минуты, после чего по бронзовой скуле начинает катиться слеза.

– Саша, прикажи собрать наши вещи, мы едем в Москву, отец желает предъявить нас.

– Ну я-то не поеду – у меня игра!

– Ты едешь с нами – отец сказал, что собирается приобрести тебя…

пауза

Тот самый момент, когда в сонате впервые звучит голос Антона Пятого, журналиста и молодого отца.

Антон входит в кабинет, садится за стол. Компьютер, тетради, привезенные из Сан-Себастьяна фигурки Дали и Пикассо. Все теперь кажется ему новым и странным. Только в этот момент он замечает, что приехал из роддома в бахилах. Антон улыбается собственному потрясению. Раскрыв лэптоп, он печатает:

«Это первый текст, который я не стану публиковать. Эти слова для тебя, родная. Ты родилась всего несколько часов назад. Мы с мамой еще даже не придумали тебе имя. Мне нравится имя Лера, маме – Анастасия. Судя по родам, ты у нас будешь с характером – ты все никак не хотела появляться на свет.

Читая этот текст, ты в жизни не поверишь, что твой отец журналист. Мне сейчас не до языка. Все это не укладывается в голове! Мне кажется, что и говорить-то я научился мгновенье назад. Совсем другой смысл обретают все на свете слова. Я и не знаю, что тебе написать, милая. Все это так тепло и странно. Ну, улыбаюсь я как дурак сейчас, это да…

Сегодня я впервые держал тебя на руках. И это что-то невообразимое! По всему моему телу разлились мурашки. Я очень-очень тебя люблю! Я испытываю эмоции, которые до этого момента не испытывал никогда! Сложно поверить, что море, которое сейчас переполняет меня, могло поместиться в груди.

Твой папаша, конечно, расплакался. Сестра в роддоме сказала, что отцы теперь «совсем не то». Слишком чувствительные все стали. Я все просил хотя бы еще минуточку тебя подержать, но старуха буркнула, что еще успею. А мне и правда так нравится тебя обнимать! Кажется, я мог бы делать это всю жизнь!

Сейчас я дома. Совсем один. Здесь тишина. Эти стены еще не слышали твоего голоса. Ты приедешь сюда только завтра. Тебя уже ждет кроватка и твой первый медведь!

Ну, добрых снов, моя любовь! Ты пока засыпай, а я (скажу по секрету) еще поработаю. Даже мама пока не знает – мне в голову пришла идея одного рассказа, и я хочу поскорее его написать!»

пауза

Еще несколько аккордов, смысл которых нам станет понятен чуть позже.

Данное судебное разбирательство, как и все значимые дела того времени, транслировалось в прямом эфире. Опустив затянувшуюся экспозицию, я хочу перейти к тому моменту, когда государственный обвинитель продолжил допрос:

– Итак, соизвольте рассказать мне, что означал ваш пост?

– Ничего.

– Вы хотите убедить нас, что опубликовали пустое сообщение просто так, безо всякого умысла?

– Да.

– Значит, мы, по-вашему, должны поверить, что автор с тремястами тысячами подписчиков публикует пустое сообщение, ничего под этим не подразумевая?!

– Именно.

– Вы держите нас за дураков?

– Никак нет. Более того, мне видится, что не только я посылаю публике пустые сообщения. Наш Император говорит слова, которые ничего не означают, его свита выдумывает законы, в которых нет смысла, наши журналисты…

– Отвечайте по существу! Я еще раз вас спрашиваю, чем вы руководствовались, когда публиковали в своем блоге пост, не содержащий в себе ни одного символа?

– Мне просто хотелось посмотреть, к чему это приведет.

– Ну что же… Надеюсь, ваше любопытство удовлетворено. Ваша честь, могу ли я закончить выступать в роли адвоката и, став обвинителем, пригласить в зал потерпевших?

– Можете.

Здесь стоит отметить, что в момент, когда проходит данное судебное разбирательство, в стране, где проходит данное судебное разбирательство, уже десять лет как проведена судебная реформа, главным итогом которой стала оптимизация кадров судопроизводства. Как результат: прокурор и адвокат стали одним субъектом судебного процесса. Данное решение было принято подавляющим большинством голосов и весьма нравилось судьям, чей рабочий день, выражаясь языком нормативным, стал «гораздо более замечательнее».

Потерпевших представляла группа верующих, чьи чувства были оскорблены. Они пришли в зал с плакатами и говорили заученными фразами, что, безусловно, нравилось телезрителям.

– Что вы почувствовали, когда прочли данный пост?

– Мы оскорбились!

– Что именно оскорбило вас в этом сообщении, ведь известно, что оно не содержит в себе ни одной буквы.

– Именно это нас и оскорбило! Нас поразила изощренность, с которой автор данного, с позволения сказать, текста решил поиздеваться над нами. Наверное, этот человек думал, что если опубликует пустое сообщение, то мы не поймем, что он издевается именно над нами, но мы ведь тоже не пальцем деланные, ваша честь! Мы сразу поняли, что этот подонок решил поглумиться над нашей верой!

– Продолжайте…

– Признаться, мы долго совещались – стоит ли вообще подавать иск на этого ублюдка? Мы ведь люди высокодуховные. Мы могли бы стерпеть и даже простить подлеца, но в конце концов мы решили, что весь ужас и трагедия состоят в том, что оскорблены не только наши чувства, но чувства миллионов верующих, которые, в отличие от нас, не могут постоять за себя. За этим иском стоит не столько наша обида, сколько ответ истинных патриотов веры!

– Скажите, пожалуйста, что вы почувствовали, когда увидели, что тысячи людей начинают делать перепосты данного пустого сообщения?

– Ох… что и говорить… тут нам стало совсем худо… Признаться, это было, пожалуй, самым тяжелым испытанием, даже тяжелее самого поста! Одно дело, когда это делает один человек, потому что он может быть либо глупец, либо подлец, который получил западные деньги, но совсем другое дело, когда против истинно верующих выступает армия сговорившихся гиен. У нас нет никаких сомнений, что каждый, кто лайкнул или распространил данный пост, является соучастником преступления.

– Это будет решать суд!

– Да, да, ваша честь, простите! И все же, если позволите, то до того, как начнется интернет-голосование и телезрители станут выбирать меру пресечения, нам бы хотелось обратить внимание на цинизм, с которым была исполнена данная провокация. Думаю, ни у кого здесь нет сомнений, что все содеянное неслучайно. Публикуя этот пост, его автор хотел не только посмеяться над верующими, что еще можно было бы простить, потому что все мы здесь люди добрые и умные, но что самое мерзкое – автор хотел посеять пустоту в сердцах неукоренившихся людей. Это удар не только по верующим, но удар прежде всего по нашей молодежи, по нашему будущему, которое у нас хотят отобрать страны Запада. Только с нами такой фокус не пройдет, ваша честь! Мы этих уродов сами поимеем!

– Протестую! Никого вы здесь, как вы выразились, иметь не будете! Наш зритель сам разберется, тянет данное преступление на повешение или расстрел! Я, как человек, который клялся блюсти закон, не позволю реваншистам завладеть фемидой и, тем более, общественным мнением!

– Простите, товарищ прокурор…

– Никаких «простите»! Я не позволю! Слышите? Не позволю! Более того! Я вот сейчас вас внимательно слушал и несколько раз услышал из ваших уст слова «простите», «прощение», «простить», а между тем наш суд славится своей точностью, объективностью и непоколебимостью! И я не допущу здесь подрывной деятельности и смещения акцентов! Я вижу, как вы требуете сурового наказания, но вместе с тем допускаете эти никчемные словечки о прощении, понимании и, стыдно сказать, любви! Это суд, а не мыльная опера! Я предупреждаю вас: следите за языком! И вот еще что. Думаю, вина исполнителя доказана. Здесь двух мнений быть не может, с этим разобрались. Более того, я бы хотел, чтобы мы не забывали об отягчающем обстоятельстве – автор данного поста не закрыл его, позволив делать перепосты, и тем самым коварно подстрекал людей к распространению пустоты… Но это так, дополнение. Интересно

другое! Где проходит граница между преступлением автора и людьми, распространившими эту мерзость?! Лично я твердо убежден, что каждый, кто сделал перепост данного сообщения, автоматически становится автором данного сообщения. Более того, так как размножался не текст как таковой, но пустота, всякий, кто делал этот перепост, не продолжал начатое, но создавал новое. Налицо преступление, совершенное группой лиц. Здесь я хочу пояснить телезрителям, которые не так часто смотрят нашу программу, что преступление, совершенное группой лиц, считается более тяжким правонарушением, чем преступление, совершенное одним субъектом. В связи с этим я считаю, что наказание должны понести все, кто сделал перепост. Безусловно, стоит понимать, что на субъектах, совершивших это преступление, лежит разная степень ответственности, поэтому я предлагаю приговорить автора пустого сообщения к двум высшим мерам наказания, а всех, кто ставил лайки и делал перепосты, – к одной.

– В общем-то мне симпатична ваша точка зрения, дорогой прокурор, тем более что мы недобираем по эфиру четыре минуты, и все же, как судью, меня смущает вот что: вы предлагаете призвать к ответу каждого, кто нажал на кнопку «мне нравится»…

– Каждого, ваша честь!

– Не перебивайте! Но как же нам быть с теми, кто лайкнул этот пост, скажем, случайно?

– Никаких «случайно», ваша честь! Если и допустить, что кто-то из двухсот тысяч подозреваемых лайкнул пост случайно, то у этого гражданина, несомненно, было время убрать свой лайк и уж тем более не делать перепост. Более того, у меня в руках флешка, на которой содержатся сведения о двухстах тысячах пользователей, которые, поставив лайк и сделав перепост, не предприняли ровным счетом никаких действий, чтобы изменить ситуацию.

– Были ли люди, которые отменили свои лайки?

– Да, ваша честь, таких около двадцати.

– Оказывалось ли на них давление?

– Простите мне мою улыбку, ваша честь, но вы ведь сами прекрасно знаете, что в нашей стране недопустимо давление! Я, честно говоря, давно не слышал такой смелой глупости.

– Поосторожнее в выражениях – я могу не пропустить вас в следующий сезон.

– Простите-простите, ваша честь, я просто немного удивлен вашим вопросом. Безусловно, эти люди сделали все по собственной воле, вовремя осознав, что их пост может оскорбить чувства верующих.

– Привлечены ли эти люди к ответственности?

– Никак нет, ваша честь.

– Хорошо, мне подсказывают, что мы сейчас должны уйти на рекламу, а после, в связи с только что открывшимися обстоятельствами, задержимся в эфире еще как минимум на час. Нашим же телезрителям я напоминаю, что уже сейчас начинается голосование, в ходе которого каждый из вас может выбрать меру пресечения автору пустого сообщения. Я также напоминаю, что все обвинительные приговоры абсолютно бесплатны; если же вы хотите вынести оправдательный приговор, то с суммой такого вердикта вам стоит ознакомиться на страничке тарифов вашего оператора. Не переключайтесь!

пауза

Говорит исполнитель.

На перроне мы узнаем, что озеро вышло из берегов. Маленькие пирсы скрылись под водой. Выше обычного поднялись катамараны. Набережную затопило. Машина, которая должна была нас встречать, где-то застряла. Глядя на нашу обувь, сотрудник фуникулера советует спуститься в город на такси. Я против, потому что прекрасно помню, что гостиница неда-

леко, но Федя говорит «si». Путь от вокзала до отеля занимает полторы минуты. Таксист улыбается, Центнер отсчитывает тридцать франков.

На этот раз номер оказывается просторным. Вид на озеро и горы. Это, безусловно, самый красивый и печальный пейзаж, который я когда-либо наблюдал.

В моей голове «Лебедь» Сен-Санса. Обычно я исполняю его на бис. Всегда, но только не в тот вечер – в тот вечер я сбежал со сцены.

Центнер присылает сообщение: «Жду в лобби». Я ставлю виолончель на ребро и спускаюсь вниз. Выхожу на улицу. Буквально на минуту. В вышедшем из берегов озере Лугано утопает все. Сейчас мне необходимо побыть одному. Последний прогон. Я всегда так делаю, перед каждым выступлением. Всю программу, от начала и до самого конца. Обязательно без инструмента. Гриф мне заменяет левая рука. Я кладу кисть на плечо и стучу пальцами от локтя к костяшкам. Виолончель я беру в руки лишь перед выходом на сцену. Впрочем, за сегодняшний концерт можно не беспокоиться. Такие потрясения не повторяются. Сегодня вечером я буду блистать.

пауза

К поездке в Россию решают отнестись с юмором. Все, кроме Александра. Саша в ярости. Несколько дней он проводит в клубе, пытаясь уговорить президента не продавать его.

– Старик, ты издеваешься?! Нам ни за одного игрока столько не заплатят! Этот трансфер войдет в историю нашего клуба! Мы наконец отремонтируем стадион!

– Вы понимаете, что продаете меня собственному отцу?

– Конечно, понимаем, кто бы еще отвалил за тебя такие деньги?!

– Вы же выставляете меня полным посмешищем!

– Ну почему же? Посмотри на это с другой стороны: ты будешь играть в высшей лиге, уж твой-то отец наверняка забронирует тебе место в основе! Того гляди, дорастешь до сборной!

– Да плевать мне на Россию. Я хочу играть за сборную Франции!

– Только если по петанку, мой дорогой!

В связи с папиным (совершенно неожиданным) запретом на использование джета летят первым классом. Поль предлагает выкупить все билеты, и Лизе эта идея чрезвычайно нравится – Лиза любит все покупать. Путешествуют в полупустом самолете, и все же присутствие незнакомых людей, особенно русских, немного смущает. Александр ищет в «Лекипе» новости о своем переходе, мама воспитывает стюардесс.

Во время захода на посадку мама вдруг вспоминает про младшего. «Где Толик?!» – «Он здесь, не беспокойтесь», – отвечает гувернантка.

Садятся мягко. После паспортного контроля обсуждают пограничников.

– Саша, ты это видел?

– Ни дать ни взять выпавшее звено эволюции.

– Интересно, а этим хмырям специально запрещают улыбаться?

– Зато у тебя нет никаких сомнений, что ты оказалась в России. Смотришь на это рыло, и сразу понятно – добро пожаловать в великую страну!

Журналистов оказывается много. Глядя в одну из камер, мама с улыбкой заявляет, что никакой недвижимости у семьи Славиных за границей нет. Семья была на отдыхе, навещала сына, который, кстати сказать, играл во Франции, но уже сегодня, как вы знаете, переходит в столичный клуб.

Дорога в новый дом занимает всего полчаса. Синие маячки – вещь полезная. Разглядывая фонтан, Лиза интересуется соседями. Соседями оказываются все те же. «Ну надо же! Все прямо как во Франции!»

Спят плохо. Мама пишет продавцу вина месье Гийому, Александр отправляет сообщения Себастьяну. Французы не отвечают. В пять утра на площадке перед домом садится вертолет. Дети выбегают встретить главу семейства, но после «ночного совещания» папенька говорить не может – папу несут.

Завтракают молча. Все, кроме Александра, внимательно слушают сражающегося с похмельем отца:

– Я вам обещаю, что долго это не продлится. Пока же я прошу вас почаще появляться на публике. Ходите в кино, рестораны, салоны красоты. Тратьте деньги. Мне важно только, чтоб о вас заговорила Москва. Дети пойдут в школу, ты, Александр, обещаю, будешь играть.

– Да с ними-то все понятно, но я-то что здесь делать буду? – раздраженно вставляет мать.

– Родину будешь любить, сука! – бросая хлебный мякиш в жену, со злой улыбкой отвечает отец.

пауза

– Во время рекламы мы получили достаточное количество сообщений, а потому спешу обрадовать вас – приговор приведен в исполнение! Автор казнен! Запись расстрела уже через несколько секунд будет опубликована на сайте нашего телеканала. Я также напоминаю вам, что, если вы являетесь приверженцем хорошего качества, то полную версию приведения приговора в исполнение можете посмотреть на телеканале «Казнь-HD». Напоминаю также, что функции ваших социальных очков позволяют разделять экраны, и, наблюдая за расстрелом, вы по-прежнему сможете следить за перипетиями нашего процесса. Впрочем, не будем буксовать! В данный момент по всей стране идут аресты. Граждане, которые ставили лайки и делали перепосты пустого сообщения, в самое короткое время предстанут перед судом. Насколько я понимаю, к этой минуте уже арестованы сто двенадцать тысяч человек. Эта цифра постоянно растет, и я смею полагать, что уже к концу этого часа мы сможем с радостью объявить, что всякая сделавшая перепост мразь задержана. Пока же я хочу дать слово адвокату, представляющему интересы обвиняемой в сговоре группы лиц.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.